

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т50

Тодорова, Елена.

Т50 Хочу тебя любить / Елена Тодорова. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 448 с. (Твоя любовь)

ISBN 978-5-17-151907-0

Продолжение откровенной истории любви «Хочу тебя испортить».

Я только вернулась в академию. Думала, что парню, который в прошлом разбил мне сердце, я больше не интересна. Но он требует вернуть долг — двадцать девять дней моей жизни. Когда-то я обещала провести их с ним. И теперь, к моему ужасу, он намерен использовать каждую секунду.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151907-0

© Тодорова Елена, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

*А я ведь думала, что стала
забывать, как он выглядит...*

—
3
—

Варя

— Забежим перед лекциями на кофе? — предлагает Лена.

Мы с Катей, выражая согласие, ограничиваемся односложными ответами. А Новикову несет дальше.

— Сейчас в утреннем меню обалденные тосты с яйцом пашот и авокадо. О, а еще диетический муссовый торт — чудесный! Вы что будете? Я и тост, и торт!

Ленка в принципе любит поговорить. А сегодня, в день моего возвращения на учебу, и вовсе болтает без умолка. Пытается, очевидно, задать позитивный настрой.

— Дурочка, так твоя диета вряд ли сработает, — смеется над ней Катя.

Я вынуждаю себя улыбнуться, но на самом деле с трудом сосредотачиваюсь на их трескотне. Нервничаю буквально до трясучки.

Полгода прошло. Полгода, а кажется, что целое столетие! Мне предстоит заново вливаться в социум. Это трудно, знаю. Ведь я это уже проходила. Но сей-

час, кажется, будет еще хуже. Потому как главный мой страх носит человеческое имя. И заправляет здесь всем именно он — мой проклятый сводный брат. Как жаль, что, переступив порог академии в первый раз, я этого не поняла. Сражалась с ним, ненормальная. Сейчас даже смешно! И больно. Очень больно.

— Ну, а Валентина Николаевна? Как она? — спрашивает Лена, когда мы с подносами занимаем свободный столик в углу огромного студенческого кафетерия.

— Ничего непонятно, — вздыхаю я, неохотно вспоминая попеременно взвинченное состояние матери. — На развод не подает. Но с «этим» точно встречается... С этим своим мужем! Спасибо, хоть в дом его не таскает, — заканчиваю достаточно спокойно, стараясь игнорировать направленные со всех сторон любопытные взгляды.

Неужели все они до сих пор помнят произошедшее? Нет, ну, конечно, помнят. Кто такое забудет? Но неужели им до сих пор это интересно? Все, безусловно, из-за него. Из-за Кирилла. Им интересно все, что с ним связано. Не я.

По плечам и спине бежит озноб. В попытке согреться спешно отпиваю из красочного бумажного стакана чай. Тот оказывается слишком горячим. Обжигаясь, резко морщусь и, инстинктивно распахивая рот, шумно глотаю прохладный воздух.

— Господи, Любомирова... — Катя машет перед моим лицом салфеткой и смеется. — Осторожно. Ты нам нужна.

— Очень-очень нужна! — поддакивает Лена.

— Спасибо, девочки.

Чувствую, что от этих шуточных признаний готова расплакаться. Моргаю и машу руками. Хорошо, что выступившие слезы можно списать на тот же чай, будь он неладен.

— Честно говоря, я за эти полгода не единожды предлагала маме бросить все и переехать в другой

город. Все-таки и ей, и мне трудно, — признаюсь неохотно. — Но она талдычит, словно одержимая, что я должна учиться именно в этой академии! Что лучшего IT-шника по всей стране не сыскать! И вообще... — рублю ладонью воздух и устало замолкаю.

— Ну, она права, — поддерживают Лена и Катя практически в унисон.

Немного неловко, что приходится обсуждать личную жизнь матери с ее же студентками. Но Лена и Катя — мои единственные подруги. Кроме них поделиться не с кем.

Я правда не понимаю, почему мама не разводится с Ренатом Ильдаровичем. Зачем бежит к нему на свидания, если там, как мне кажется, дошло до рукоприкладства с его стороны? Неужели мама боится потерять эту чертову работу и жилье, которое к ней прилагается?

Да, скорее всего, причина именно в этом.

Мой отчим — ректор нашего частного ВУЗа и бог всего академгородка. Научные и учебные корпуса, стадионы, навороченные общежития, элитные жилищные комплексы для преподавательского состава, супермаркеты, кафе, кинотеатр и рестораны — все здесь принадлежит ему. Даже внутренние дороги.

Ему и его сыну.

И если первый вызывает у меня исключительно негативные эмоции, то со вторым все сложно. В него я умудрилась влюбиться.

Но сейчас все это в прошлом.

Далеко не каждому по карману учить детей в нашей академии. Я хоть на момент поступления и имела несколько побед в соревнованиях по киберспорту и десятки призовых на IT-олимпиадах, попала сюда только благодаря тому, что мама выскочила замуж за своего ректора. Жаль, недолгим был этот брак. Я и первый семестр окончить не успела, как мы съехали от Рената Ильдаровича.

— Знаешь, а ведь Бойка стал совсем другим, — врывается в мои мысли Катя.

Я вздрагиваю. Вздрагиваю и делаю вид, что виной тому не эмоции, которые взрываются у меня в груди при упоминании сводного брата, а то, что за соседним столом кто-то с противным скрежетом тянет по кафелю стул.

— Боже... — выдыхаю со смехом и притискиваю к груди ладонь. — Просидев полгода в четырех стенах, я стала пугливой, как котенок. Утром, пока дошла от дома до главного корпуса академии, чуть не потеряла сознание просто от рева чьей-то тачки.

Чем не черный юмор? Учитывая, что на полугодовой больничной меня отпустила автомобильная авария. А точнее, умышленный наезд.

— Бедная, — шепчет Катя, заставляя меня пожалеть о своих словах.

— Да нет... Все нормально, — отмахиваюсь я.

И замолкаю.

Вопреки всему, испугалась ведь совсем не сумасшедшей Довлатовой, которая и пыталась меня когда-то прикончить. Страх вызвала мысль, что это может быть Кирилл. Я пока не готова с ним встретиться. Понимаю, что рано или поздно это случится. Но не в первый же день! Мне в принципе трудно с кем-либо из знакомых контактировать, выдерживать их затяжные любопытные взгляды, отвечать на однотипные вопросы и как-то реагировать на странноватые комплименты: «Классно выглядишь, Любомирова», «Забыла, какая ты симпатичная», «Без тебя скучно было»... Что уж говорить о Бойко?! Думать себе о нем запрещаю. Он разбил мне сердце и заставил очень сильно страдать. Хватит. Я хочу спокойно учиться. Просто учиться, и все. Все.

— Так вот, — прожевав свой торт, невозмутимо продолжает Лена. — Бойка стал еще хуже. Не то чтобы в академии кого-то особо чморит... Но агрессия от него так и прет! Говорят, за пределами городка

отрывается по полной. Говорят, с мутной компанией связался. Говорят, у них там какие-то стремные схемы, — перечисляет, очевидно, все, что слышала. Я убеждаю себя, что мне нет до этого дела. Но сердце в груди предательски сжимается. За весь рассказ не раз и даже не два. — Вроде как Бойка даже от бати съехал. Сам по себе теперь. Так что, если твоя мама вернется к Ильдаровичу, можешь не волноваться насчет сводного брата.

— Ой, ну ты тоже... — выдыхаю немного растерянно. Отковыриваю вилкой кусок от торта и гоняю его по тарелке. Надо хотя бы создать видимость, что ем. — Какое мне дело до Бойко? — радуюсь, что удастся проговорить этот вопрос практически равнодушно. О том, что наши с Кириллом отношения вышли за рамки семейных, никому неизвестно. И я надеюсь, никогда не станет известно. — Есть другие, более веские причины, почему я не желаю, чтобы мама с отчимом сходились обратно. Только вот чувствую, если что, меня, как и в первый раз, никто не спросит.

— Ну да, понимаю, — Лена смотрит на часы. — Ой, девочки! До пары пять минут осталось! — подсакивает, хватая свой поднос. Мы с Катей подпрыгиваем следом. Но суетливая подруга все равно умудряется нас подгонять: — Быстро, быстро! Любомирова, тебе же еще аудиторию искать! Дискретка у Васильева на четвертом этаже. В самый конец от лестницы пойдешь...

Держу эту информацию в голове, пока поднимаюсь на нужный этаж и иду в одиночестве по пустынному коридору. Особо не спешу. Ну что ж, опоздала — так опоздала. Не хочется, конечно, чтобы преподаватели, выказывая сочувствие, делали мне какие-то поблажки. Но теперь ведь все равно так будет! Уверена, что все в курсе произошедшего в прошлом году. Да и мама, несомненно, со всеми

дополнительно переговорила. После случившегося она оберегает меня, как сумасшедшая. Долго протестовала против моего возвращения в этом году.

— Ты можешь сдать сессию дистанционно, как сдавала зимнюю. Ну, или хотя бы летом! Спокойно. Без всей этой майской суеты, когда все остальные вспоминают, что надо бы появиться на парах и получить-таки зачет! А в сентябре уже выйдешь со всеми.

— Нет, мам, — отрезала тогда я. — Больничный закрыт. Роман Константинович со своей стороны проблем не видит. Я чувствую себя прекрасно, — озвучила заранее припасенные аргументы. — Конечно же, я выйду семнадцатого мая на учебу. И это не обсуждается!

Погруженная в свои размышления, благополучно добираюсь до нужной аудитории, как вдруг слышу позади себя чьи-то твердые неторопливые шаги. Они на мгновение обрываются, будто тот, кто повернул с лестничной клетки в коридор, остановился. Затем возобновляются. Быстрее. Увереннее. Жестче. Обращиваюсь, прежде чем врубится мозг и запретит мне это действие. Обращиваюсь и замираю...

Он.

По телу острыми колючками разливается жар. Дыхание перехватывает. Мучительно и одновременно сладко сжимается сердце. Нет, не только оно. Все в груди сокращается и безумно пульсирует.

Мозг включается в работу. Кричит, что надо бежать. Но я сохраняю неподвижность. Не могу пошевелиться. Кирилл идет в мою сторону, а я стою! Беспомощно и вместе с тем жадно впитываю в себя его образ. Он накладывается на тот, что хранится в моей памяти, и вызывает у меня сумасшедшее головокружение. А я ведь думала, что стала забывать, как он выглядит... Нет, не забыла. Вопреки всему тому кошмару, что случился полгода назад, Кирилл Бойко по-прежнему заставляет меня трепетать. Трястись и не удержиимо желать смотреть в его горящие глаза.

Глава 2

*Только не вздумай его
прощать!*

—
9
—

Варя

Каким-то чудом отмираю. Возможно, начинает работать главный инстинкт — инстинкт самосохранения. Метнувшись, слепо хватаюсь за дверную ручку и без стука забегаю в аудиторию. Один смазанный взгляд по амфитеатру, и я понимаю, что ошиблась. На нервах не влево, а вправо бросилась.

Боже... Какая нелепость!

Но выйти сразу я не могу. Стою, крепко сжимая дверную ручку, и пялюсь на застывшего у кафедры педагога. Будто, если Бойко решит войти следом, я смогу ему помешать.

— Варвара?

Черт, даже преподаватели, которые у меня ничего не читают, в курсе, кто я такая. Настоящая знаменитость!

— Вы, должно быть, ошиблись аудиторией.

Да знаю я! Но как выйти? Никак!

— Окей. Не проблема. Сейчас уйду. Мне просто нужно отдышаться.

Странно, что над сказанной мной глупостью никто не смеется. Все сидят очень тихо и смотрят на меня во все глаза. Ну, точно, знаменитость. Прекрасно!

— Кстати... Рядом со мной можно дышать. И даже говорить, — выдаю на эмоциях. Не дожидаясь реакции, приоткрываю дверь и осторожно высовываюсь в коридор. Пофиг, как это выглядит со стороны. Уже и так опозорилась. Убедившись, что проход свободен, оборачиваюсь к замершей аудитории. С беззаботной улыбкой бросаю на прощание: — Спасибо! Всем хорошего дня!

И, наконец, выхожу.

Доцент Васильев, конечно же, встречает меня не менее радушно. Лично провожает к свободному месту. Не ругается, когда ребята поочередно меня окликают, чтобы поприветствовать. К тому моменту, как опускаюсь на деревянную лавку, внутри уже медленно закипаю.

Ладно. Так ведь будет не всегда. Только сегодня. Возможно, еще завтра. Ну, край — послезавтра. Потом все утихнет. Так обычно и бывает. Нужно просто перетерпеть первые дни.

После четвертой лекции я понимаю, что бегать от Кирилла смысла нет. Мы каким-то загадочным образом оказываемся рядом на каждой перемене, но он на самом деле не предпринимает никаких попыток подойти.

Встречаемся взглядами, и в моей груди вспыхивает огонь. Воспалется и томительно ноет каждый нерв. Всего пару секунд, прежде чем я отворачиваюсь. И все. Источник гаснет. Разочарование после этого так глубоко, так остро... Оно вынуждает меня чувствовать себя очень несчастной.

«И это пройдет», — убеждаю себя я.

Сердце еще какое-то время гулко и отчаянно стучит. Но потом и оно успокаивается.

— Привет, — подходит ко мне после лекций Чарушин.

Лучший друг Бойко. А с недавних пор и мой. Так уж получилось, что он теперь между нами, будто между двух огней.

— Привет, Артем, — заставляю себя улыбнуться.

Хоть сам Чарушин и винил себя в произошедшей со мной трагедии, я так никогда не думала. Да, именно он меня тогда привез на набережную, но я ведь знаю, что Артем пытался помочь нам с Бойко наладить отношения. Никто в здравом уме не смог бы предположить, что бывшая моего сводного брата вскипит такой ревностью, что попытается меня убить.

— Ты как? — спрашивает не первый раз.

Но я ведь так ни с кем и не поделилась, что мне до сих пор периодически снится, как на меня с оглушающим ревом несется автомобиль. При столкновении меня отбросило на несколько метров, и машина остановилась. Но это я знаю уже из чужих рассказов. Сама помню резкую всепоглощающую боль и то, как надо мной стремительно закружилось звездное небо. Закружилось и стало таким маленьким-маленьким... Сжалось в одну крохотную точку, и мир поглотила темнота.

— Отлично! Рада выбраться из четырех стен. Ты же знаешь, как они меня угнетали последние месяцы!

— Знаю, — кивает Чара.

В какой-то момент чувствую, что где-то совсем рядом появляется Кирилл. Сдерживаюсь, чтобы не вертеть головой. Затылок знакомо обсыпает мурашками. А следом и по плечам, груди, спине они несутся.

— Ты мне обещал кино, помнишь? — по-прежнему улыбаюсь, но дыхание учащается.

И виной тому, конечно же, не Чарушин.

— Идем сегодня? — не теряется он.

— Боже, спасибо за то, что еще остались люди, которые не боятся, что я рассыплюсь!

Артем поддерживает мой смех и галантно подставляет для меня локоть. Просовываю руку и решительно следуя за ним. Затылок уже буквально горит. И к щекам приливает лишняя кровь. Ноги слабеют, будто я снова учусь самостоятельно шагать. Эмоции разбиваются в груди. По коже бежит колкая дрожь.

Но я ведь уже знаю, что нужно просто двигаться дальше. Иду.

Остаток дня в компании Чарушина проходит легко и на позитиве. Я столько смеюсь, что под вечер болят лицевые мышцы и накачивает усталость. Но внутреннего удовлетворения это не умаляет.

Пока мама за ужином не принимается меня пилить. Сильнее обычного.

— Может, будешь хотя бы первый месяц приходить после занятий сразу домой? — то ли спрашивает, то ли требует взвинченным тоном.

— Я не растение. Не надо держать меня под колбой. Я не буду сидеть дома, — спокойно отзываюсь, размазывая по тарелке пюре. — Довлатову закрыли. А Кирилл, если тебя это интересует, в мою сторону даже не смотрит.

Привираю, безусловно. Но вроде как совсем немножко.

— А при чем тут Кирилл?! — недоумевает мама. Пронзает меня каким-то взволнованным взглядом. Выдерживает паузу, прежде чем выпалить: — Кирилл, чтобы ты знала, за тебя тоже очень переживал! Только узнал про твое сердце, свое предложил!

— Боже, мам... — прикрывая ладонями лицо, глухо смеюсь, чтобы скрыть, насколько эта информация меня шокирует. Хотя я и не верю в этот бред, внутри что-то екает и разбивается. Какой смысл в исцелении, если эта мышца остается такой же глупой и хрупкой? Почему, как все остальные в организме, не наращивает силу? — Это наверняка была шутка! — развожу руками.

В носу почему-то противно щиплет, а глаза заполняют предательские слезы.

Не смей плакать! Это все очередная игра со стороны Кира! Пусть мама в нее, если ей так хочется, и верит.

— Да какая шутка... Ты бы его видела тогда... — странным тоном заявляет она. — Бедный мальчик. У него ведь совсем никого нет. Мама умерла, когда ему и шести не было. Он привязался к тебе... К нам... А теперь снова один. Ренат с ним не справляется.

— Ой, оставь, пожалуйста, этого человека... — цепляюсь за последние слова. Потому что все, что до них, чересчур болезненные. Они меня убивают! — Мам, пожалуйста, хватит уже чуть что вспоминать Рената Ильдаровича! После того, как он тебя ударил, этот человек мне категорически неприятен! Не понимаю, почему ты до сих пор не подала на развод?! Ну, где твоя гордость, мам? Зачем ты с ним встречаешься?

— Много ты понимаешь! — вспыхив, родительница подскакивает на ноги.

Я сглатываю и тихо смотрю на то, как она отворачивается и гремит тарелками, загружая посудомоечную машину.

— Вот тебе легко говорить! — мама снова направляет на меня взгляд. И теперь в ее глазах блещут слезы. Мне заранее плохо становится, хотя она еще не добила меня словами... Напрягаюсь, чтобы выдержать. — А ты хоть попыталась представить, что я пережила, пока тебя оперировали?! Спросила, сколько денег это стоило?! А потом еще реабилитация, консультации специалистов... Кто все это оплатил?! Ты подумала?

Задыхаясь, подрываюсь на ставшие вдруг ватными ноги. В лицо бросается кровь. Голова кругом идет. Пошатываясь, машинально ловлю пальцами стул.

— Неужели он? — выдыхаю, не скрывая презрения к отчиму. — Зачем? Зачем ты взяла?! Мама! Из-

за этого продолжаешь с ним общаться? — догадываюсь и прихожу в ужас.

— А что еще мне было делать? Что?

Мама начинает плакать. Я же... Я просто не знаю, как реагировать.

Умом ее понимаю. А сердцем — нет. Больно за нее. И за себя тоже! Ко всем назойливым чувствам, которые я полгода в себе давяю, примешивается сумасшедшее чувство вины.

— Он обижает тебя? — с дрожью спрашиваю только это, хотя вопросов в голове целый рой.

Мама мотает головой.

— Нет... Ренат сорвался только один раз! — выдает слишком эмоционально. И я понимаю... Защищает. — Сейчас... Сейчас у нас все нормально.

— Только не вздумай его прощать! — горячо выдыхаю я в ответ.

Сама до конца не соображаю, о ком именно говорю и к кому обращаюсь. Об отчине или о Кире? К маме или к себе?

Растерев набежавшие на глаза слезы, убегаю в свою комнату. Только от себя ведь не убежишь... Всю ночь ворочаюсь. Во мне кипят гнев, глупая обида и какая-то абсолютно безумная тоска.

«У него ведь совсем никого нет...»

«Мама умерла, когда ему и шести не было...»

«Он привязался к тебе...»

«Кирилл, чтобы ты знала, за тебя тоже очень переживал! Только узнал про твое сердце, свое предложил...»

Утром чувствую себя кошмарно, но в академию все равно собираюсь. Останусь дома, будет еще хуже. А там все-таки люди... На них можно переключиться. И, казалось бы, при чем тут Кирилл... Относительно него ничего не поменялось! Однако вижу его, и злость вырывается. Наверняка и во взгляде моем отражается. Это заставляет Кира замереть, будто в замешательстве... Плевать.

Резко разворачиваюсь и ухожу. Так повторяется еще раз. А на третий... Бойко возникает передо мной так неожиданно, словно намеренно поджидал. Заворачиваю за угол, вижу его впервые после разлуки настолько близко и будто в стену влетаю. Экстренно торможу, скрипя туфлями по паркету, чтобы не дай бог не соприкоснуться физически.

И все равно, когда останавливаюсь, нас разделяют жалкие сантиметры. Чувствую его запах, и в груди все взрывается. Взлетает, как фейерверк. Туманит сознание знакомым мороком.

— Любомирова, — приглушенно шепчет Кирилл над моим виском.

Раздает напряжение, как электричество. Четко и выверенно. Каждый слог — жгучий импульс.

Заставляю себя откинуть голову и посмотреть ему в глаза. Гнев куда-то проваливается. Вместо него, едва скрещиваем взгляды, совсем другие чувства вырываются.

Ох, какие же они бешеные! Какие пьянящие...

Резко разворачиваюсь и пытаюсь бежать.

— Стой.

Ловит за плечо и подтягивает обратно. Рубашка не спасает — его прикосновения по-прежнему обжигают.

Собираю все силы, чтобы выдохнуть:

— Чего тебе?

Глава 3

Ты мне должна.

Кир

— Стой, — опрометчиво хватаю ее за руку.

Пальцы тотчас пробивает дрожью. Колючим жаром стремительно поднимается эта волна к запястью, предплечью, локтю, плечу. Горячим панцирем сковывает корпус. На миг сдавливает так, что дышать невозможно, и бурным потоком сливается в пах.

— Чего тебе? — грубо выпаливает Варя.

А у меня от штурма внутренних и внешних ощущений тормозит и безумно скачет вся система жизнедеятельности.

Разжимаю пальцы, едва понимаю, что Любомирова бросилась защищаться. Значит, уже не сбежит. Помню. Верняк сказать, на ходу вспоминаю. И эта, казалось бы, безобидная информация такую отчаянную звериную тоску вызывает, хоть вой.

Мать вашу... Мать...

Не собирался ведь ее трогать. Даже подходить не планировал. Только вот взгляд утром поймал, и разбомбило все точки контроля. Откуда эта ненависть?

